

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-427

УДК 81.42

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

КОНЦЕПТЫ «НОЧЬ» И «ЛУНА» В ПОЭМЕ Э. ЮНГА “NIGHT THOUGHTS” И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРЕВОДАХ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

А.Г. Строилова

В статье рассматриваются концепты «ночь» и «луна» на материале английской поэмы “Night thoughts” и её переводов на французский и русский языки.

Цель. *Целью статьи является определение специфики функционирования концептов «ночь» и «луна» в английском оригинальном тексте и её трансформация в переводах.*

Материалы и методы. *В качестве материалов исследования были выбраны оригинальный текст поэмы “Night thoughts”, а также его переводы на французский язык (перевод П. Летурнера) и русский язык (переводы А. М. Кутузова, С. Н. Глинки, П. С. Политковского). В исследовании были использованы компонентный, контекстологический, сравнительно-сопоставительный и концептуальный методы.*

Результаты. *В результате анализа поэмы и переводов можно сделать вывод, что концепты «ночь» и «луна» персонифицируются и в оригинале, и в переводах; с одной стороны, они неразрывно связаны, с другой – не равны друг другу. В переводах на французский и русский язык сохраняются основные интерпретации этих концептов, при этом усиливается их эмоциональная составляющая и связь с лирическим героем произведения.*

Область применения. *Результаты исследования можно применять на занятиях по когнитивной лингвистике, а также при исследовании диалога культур.*

Ключевые слова: диалог культур; когнитивистика; лингвокультурология; история перевода

Для цитирования. Строилова А.Г. Концепты «Ночь» и «Луна» в поэме Э. Юнга “Night thoughts” и их трансформация в переводах (на примере французского и русского языков) // *Современные исследования социальных проблем*. 2024. Т. 16, № 2. С. 137-155. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-427

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

“NIGHT” AND “MOON” CONCEPTS IN E. YOUNG’S POEM NIGHT THOUGHTS AND THEIR TRANSFORMATION IN TRANSLATIONS (FRENCH AND RUSSIAN)

A.G. Stroilova

The article discusses the “night” and “moon” concepts based on the material of the English poem Night thoughts and its translations into French and Russian.

Purpose. *The purpose of the article is to determine the specifics of the functioning of the “night” and “moon” concepts in the English original text and its transformation in the translations.*

Materials and methods. *The original text of the poem Night thoughts, as well as its translations into French (translated by P. Letourneur) and Russian (translations by A.M. Kutuzov, S.N. Glinka, P.S. Politkovsky) were selected as research materials. Component, contextual, comparative and conceptual methods were used in the study.*

Results. *As a result of the analysis of the poem and the translations, it can be concluded that the “night” and “moon” concepts are personified both in the original and in the translations; on the one hand they are inextricably linked, on the other hand, they are not equal to each other. The translations into French and Russian preserve the main interpretations of these concepts, while strengthening their emotional component and connection with the lyrical hero of the poem.*

Practical implication. *The results of the study can be used in classes on cognitive linguistics, as well as in the study of the dialogue of cultures.*

Keywords: *dialogue of cultures; cognitive science; linguoculturology; history of translation*

For citation. *Stroilova A.G. "Night" and "Moon" Concepts in E. Young's Poem Night thoughts and Their Transformation in Translations (French and Russian). Sovremennyye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 2, pp. 137-155. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-427*

Введение

Цель. Определить специфику формирования и развития художественных концептов «Ночь» и «Луна» в поэме Э. Юнга "Night thoughts" и проследить его изменение и адаптацию в русском и французском переводах.

Актуальность. Интерес современной лингвистики привлекают разнообразные формы диалога культур, одним из выражений которых является интерпретация тех или иных концептов в зависимости от создавшей их культуры, а также изменения их рецепции в странах, которые их восприняли.

Определение терминологии. Существуют разные подходы к определению термина «концепт», основными из которых считаются лингвокогнитологический и лингвокультурологический подходы. Одним из способов классификации картины мира и вербализации этого в языке является концепт. Согласно первому направлению, концепт определяется «как единица оперативного сознания, выступающая как целостное, нерасчлененное отражение факта действительности» [1, с. 5]. В этой интерпретации «каждое лингвистическое высказывание может быть связано с точкой зрения некоторого «субъекта», или, лучше сказать, субъекта сознания» [16, р. 251]. К исследователям, изучающим концепт в этой интерпретации, можно отнести Н.А. Болдырева, А.П. Бабушкина, Е.С. Кубрякову, И.А. Стернина. Согласно мнению представителей второго направления, среди которых Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, Д.С.

Лихачев, Ю.С. Степанов, С.Х. Ляпин, Л.О. Чейненко, В.И. Шаховский, С.Г. Воркачев и др., концепт характеризуется как «ментальное образование, отмеченное в той или иной степени этносемантической спецификой» [1, с. 5].

При изучении концептов, которые находят свою репрезентацию в художественных произведениях, необходимо учитывать интерпретацию концепта обоих направлений: и лингвокультурологического, и лингвокогнитологического. Автор художественного произведения является представителем определенной нации и носителем её культуры, что находит отражение в создаваемых автором концептах. Одновременно с этим когнитивная сторона концепта как формы индивидуального отражения действительности представляет особый интерес, так как именно таким образом создаётся авторский стиль. «В художественный текст, – по замечанию Н.С. Валгиной, – жизненный материал преобразуется в своего рода „маленькую вселенную“, увиденную глазами данного автора. Поэтому в художественном тексте за изображенными картинками жизни всегда присутствует подтекстный, интерпретационный функциональный план, “вторичная действительность“» [5, с. 70].

Вербализацией концепта в художественном произведении становятся в том числе средства художественной выразительности, по словам Балалыкиной Э. А. и Егорова Д. С. «особая роль принадлежит анализу метафорических моделей и отдельных тропов, представленных в тексте, поскольку здесь отражается та самая невербальная, образная часть концепта, которая в сознании представлена единицами универсального предметного кода» [3, с. 230].

Таким образом, вслед за Е. Д. Астранян, в данном исследовании концепт определяется как «уникальный художественный опыт, который зависит от многих факторов, как объективных (культурно-историческая парадигма, ментальность эпохи, в которую данный концепт употребляется), так и субъективных (таких, как индивидуально-авторская картина мира). Степень соответствия объективных и субъективных моментов может быть сколь угодно разнообразной» [2, с. 36].

Материалы и методы

В качестве материалов для исследования была взята поэма Э. Юнга “Night thoughts” (1742-1745), её перевод на французский язык, выполненный в прозе П. Летурнером (1766), и переводы на русский, выполненные в прозе А. М. Кутузовым (1778-1785), в поэтической форме С.Н. Глинкой (1803) и П. С. Политковским (1803). Нужно отметить, что перевод П. Летурнера анализируется прежде всего как перевод-посредник для русских переводов. В исследовании использовались компонентный, контекстологический, сравнительно- сопоставительный и концептуальный методы анализа.

Результаты и обсуждение

Концепты «ночь» и «луна» в оригинале

Концепт «ночь» и «луна» являются одними из центральных и сюжетообразующих элементов, на которых построена поэма “Night thoughts”. Это произведение было создано на основе принципов поэзии предромантизма, в то время как романтическая поэзия определялась как «нечто, превосходящее любые определения. Рассматривать её как процесс, а не продукт, также означало придавать ей особую и конститутивную временность» [12, p. 108]. Нужно отметить, что одной из основных целей поэмы как предромантического и дидактического произведения являлось вызвать у читателей определённые эмоции, которые бы способствовали моральному очищению читателей. По словам С. Кин, «хотя культурные формы вызывают основные эмоции повествования посредством манипулирования универсалиями, сочетания и выражения этих универсальных стратегий зависят от культуры (иногда их называют жанрами) и имеют свою литературную историю» [15, p. 15].

По сюжету лирический герой произведения страдает от бессонницы и произносит свой монолог, поднимая экзистенциальные темы жизни, смерти, судьбы, Бога, человека, страданий, обращаясь при этом к ночи и луне. Эти два концепта неразрывно связаны, представляя собой одновременно и хронотоп произведения, его пространство и время, и собеседников героя. В начале поэмы луна

является частью структуры концепта «ночь», в процессе развития поэмы становится отдельным концептом, воплощая хоть и схожие, но иные особенности. Хотя культурные формы вызывают основные эмоции повествования посредством манипулирования универсалиями, сочетания и выражения этих универсальных стратегий зависят от культуры (иногда их называют жанрами) и имеют свою литературную историю. Используя разнообразные художественные средства, Юнг делает эти два концепта аттракторами внимания читателя, которые «объединяются по ходу текста, чтобы направить внимание читателя на структурные и тематические закономерности, хотя ими можно пренебречь по-разному, и в этом случае внимание перенаправляется на новые важные значения» [14, р. 329].

Вербализация концепта «ночь» в поэме происходит через разнообразные стилистические тропы: персонификацию, эпитеты, сравнения, метафоры: *Night, sable goddess* (Ночь, тёмная богиня); *her dark domain* (её тёмное царство); *ebon throne* (мрачный/чёрный трон); *rayless majesty* (букв. не испускающее лучей величие); *her leaden scepter* (её свинцовый скипетр); *Silence and darkness: solemn sisters! Twins From ancient Night; Assist me* (тишина и тьма: священные сёстры! Близнецы от древней ночи; помогите мне); *the grave, your kingdom* (могила, твоё королевство); *perpetual night* (вечная ночь); *double night* (букв. двойная ночь). Из приведённых цитат можно спроектировать структуру концепта «ночь» у Юнга, ей присущи следующие характеристики: темнота, мрачность, тишина, древняя природа, вечность (у протяжённости ночи нет конца), ночь связана не просто с женским началом, ночь – это богиня и царица, её власть непоколебима.

Концепт луны, как уже было упомянуто, очень тесно связан с концептом ночи, но не равен ему. В поэме он представлен в следующих цитатах: *O Cynthia! why so pale?* (О Цинтия, почему так бледна?) *A theme that rose all pale* (Тема, которая поднялась такая бледная); *Cynthia patroness of song* (Цинтия, покровительница песни); *thou silver Queen of Heaven! And kind thou wilt be* (ты серебряная Королева Небес); *a quite lunar theme* (тихая лунная тема); *Soft,*

modest, melancholy, female, fair! (мягкая, скромная, меланхоличная, женственная, светлая!) What title, or what name, endears thee most? Cynthia! Cyllene! Phœbe! (Какой титул, или имя нравятся тебе больше? Цинтия? Силен? Феб?). Очевидно, что с луной связаны такие характеристики как бледность, мягкость, тихость (но не полная тишина, как у ночи), женственность, с ней автор связывает греческих богинь, олицетворяющих луну, но не называет её напрямую богиней, как ночь.

Таким образом в английской поэме объединяющими эти два концепта аспектами являются персонификация обоих образов, выраженная через обращение лирического героя и использование личных местоимений, а также восприятие ночи и луны через женский гендер, о чём свидетельствуют местоимения женского рода (she, her). Оба концепта репрезентированы через образ царицы, правящей «с небес», но при этом прослеживаются явные различия: в то время как ночь представлена как сила, с которой связаны абсолютные тьма и тишина, тяжёлая (свинцовая) власть, луна предписана светлая, скромная, женственная суть, её бледность является отражением сопереживания главному герою, она бледна, когда герой страдает, то есть луне придаётся свойство эмпатии, при этом эмпатия относится к так называемым «моральным» эмоциям, именно эмпатия наряду с сочувствием является целевой эмоцией, которую автор поэму предполагает вызвать у читателей для их духовного роста.

Концепты «ночь» и «луна» в переводе А. М. Кутузова.

Перевод А. М. Кутузова стал первым полным переводом поэмы на русский язык, до этого переводились только фрагменты (например перевод М.В. Сушковой 1772-го года). Необходимо отметить, что в связи с тем, что поэма воспринималась скорее как дидактическое произведение, переводились в основном части, сосредоточенные на экзистенциальных размышлениях героя, концепты «ночь» и «луна» включались в перевод больше как неотъемлемые элементы хронотопа поэмы. В связи с тем, что английский язык в конце XVIII-начале XIX века был мало известен в России, перевод Кутузова был сделан при помощи очень точного, порой буквального, не-

мецкого прозаического перевода-посредника (1760-1771), автором которого являлся Арнольд Эберт. Кутузов снабдил текст своего перевода подробными комментариями, в которых он, являясь членом масонской ложи, характерно интерпретировал концепты поэмы.

Одним из способов выделить особенно значимые элементы (концепты) текста в переводе является выделение их курсивом. Например, в этом отрывке поэмы в оригинале:

Silence and Darkness! solemn sisters! Twins
From ancient night...

У Кутузова: «*Тишина и тма*, пасмурные сестры! о вы, близнецы престарелых ночи!» Данные характеристики, связанные с концептом «ночь», выделяются как главные переводчиком, сохраняя таким образом одни из основных характеристик концептов «ночь» в русском варианте поэмы.

В то время как концепт «ночь» сохраняется достаточно точно в переводе, лишь некоторые особенности подчёркиваются графически в русском варианте, концепту «луна» переводчик даёт особый комментарий. В оригинале этот отрывок выглядит так:

O Cynthia! Why so pale? dost thou lament
Thy wretched neighbour?...

У Кутузова: «О Цинтия! почто ты так бледна? Не уже ли оплакиваешь несчастного твоего соседа?» Русский перевод достаточно точно передаёт диалог-обращение лирического героя к луне. Развитием этого концепта можно считать комментарий, который переводчик даёт к этому эпизоду: «Исключая Священного Писания, нет кажется лучшего примера стихотворческого *Энтузиасма*, как сии ночи». Кутузов связывает концепт «Луна» со священным писанием, наделяя этот отрывок религиозно-просветительской функцией, подобное восприятие поэмы, как уже было упомянуто, сложилось как своего рода традиция на данном этапе её рецепции в России. Однако в дальнейшем своём комментарии Кутузов развивает этот концепт в совершенно ином направлении: «Луна есть лучший друг стихотворца нашего; при начале третьей ночи призывает он ее, яко своего Феба: ибо между ею и печальным содержанием ночи сея находит великое

сходство. Подобно как бледный блеск луны, соединенный с мрачностью и тишиною ночи, в душе глубокомыслящей удобны произвести и продолжить на долгое время важные и унылыя мысли: то таким же образом может она почесться яко действие и знак симпатических чувствований. И сие некоторым образом может казаться очень вероятным в разсуждении беспрестанного сообщения луны с землею и взаимнаго их одной на другую влияния».

В этом комментарии русский переводчик конструирует концепт «луна» в независимости от дидактического восприятия поэмы в России. Кутузов усиливает взаимосвязь лирического героя и луны, называя луну лучшим другом, сохраняет отсылку к греческим богам, используя имя «Феб», вновь подчеркивает её характеристику “pale” «бледный блеск луны». В то же время Кутузов пытается в своём комментарии объединить оба концепта: он использует эпитеты «мрачность и тишина ночи», и слова «блеск луны, соединенный», что свидетельствует с одной стороны, о том, что в сознании переводчика оба эти концепта неразделимы, с другой стороны, что именно в соединении концепты «ночь» и «луна» порождают у героя «важные и унылыя мысли», «симпатические чувствования». Пробуждение подобных чувств являлось главной целью литературы направления сентиментализма/предромантизма романтизма и в Великобритании, и в России. Вводя слова «сообщения луны с землею и взаимнаго их одной на другую влияния» русский переводчик вносит новую интерпретацию концепта «луна», он может восприниматься как не просто собеседника, но проводника в диалоге с небесными силами.

Таким образом А. М. Кутузов несмотря на общее восприятие поэмы Юнга как дидактического произведения в своём переводе и в своих комментариях придаёт особое значение обоим концептам, и, более того, развивает их взаимосвязь, а также переосмысливает значение концепта «луна».

Концепты «ночь» и «луна» в переводах П. Летурнера и С. Н. Глинки.

В связи с тем, что английский язык не был широко распространён в России в указанный период времени, популярные англоя-

зычные произведения переводились с использованием языков-посредников. Вторым по популярности после немецкого перевода Арнольда Эберта был французский прозаический перевод П. Летурнера. В отличие от немецкой традиции переводов, для которых главным принципом была точность и почти дословная близость оригиналу, французская традиция отражала подход к переводу, принятый в период классицизма, в котором главной задачей перевода считалось не точная передача оригинала, а приближение при переводе оригинала к эстетическому идеалу, для этого допускались опущения, добавления и практически любые изменения оригинала. Нужно отметить, что при этом перевод на французский язык был выполнен в прозе.

На основе французского прозаического перевода С. Н. Глинка делает первый поэтический перевод поэмы на русский язык. Выбор другой формы повествования свидетельствует об изменении восприятия самого произведения, дидактическая составляющая уходит на второй план, эмоционально-художественная, включающая концепты «ночь» и «луна», становится наиболее значимой.

Как уже было упомянуто, в поэме Юнга ночь является значимым концептом, который он представляет в самом начале произведения как богиню, правящую миром при помощи свинцового скипетра:

Night, sable goddess! from her ebon throne,
In rayless majesty, now stretches forth
Her leaden scepter o'er a slumb'ring world

Летурнер переводит этот фрагмент следующим образом: “Maintenant arrivée au milieu de son cercle, assise au haut des air sur son trône d'ébène, la nuit, comme un Dieu dans une majesté voilée et sans rayons, étend son scepter de plomb sur un monde assoupi”. Летурнер иначе интерпретирует концепт «ночь», используя слова “au milieu de son cercle” (в середине своего круга/круговорота), он вводит представление о ночи как о цикличном процессе, герой находится на его пике, в английском варианте перманентность ночи описана при помощи эпитета (perpetual night (вечная ночь)). Тем не менее у Летурнера концепт ночи получает интерпретацию времен-

ной протяжённости, в то время как в оригинале ночь – это скорее состояние, чем какой-то временной промежуток.

Стоит также отметить, что в оригинале при описании концепта ночи используются прилагательные, которые имеют несколько значений (*sable*: having a dark brown or black colour: used to describe something on a coat of arms a special shield or shield-shaped pattern that is the sign of a family, university, or city that is black, *leaden*: dark grey; without energy or feeling; like lead in colour or weight; grey or heavy), Летуэрнер в своём переводе выбирает словосочетание, “*de plomb*” (буквальный перевод «из свинца»), что с одной стороны ограничивает восприятие концепта «ночь», с другой стороны подчеркивает властную силу богини.

В русском переводе этого фрагмента происходит соединение концептов «ночь» и «луна»:

Уже она в сей час, в час общей тишины,
Когда страны небес луной осребрены,
Стопою медленной на мрачный трон вступает;
Простерла жезл, - и ход природа прекращает.

В первом же фрагменте Глинка вводит характеристики, связанные с концептом «ночь»: тишина, медленная стопа, мрачный трон. При этом в отличие от оригинала и французского перевода Глинка не даёт определения «свинцовый/тяжёлый» слову «жезл», что уменьшает ощущение тяжести, связанной с концептом «ночь» в английском и французском вариантах. Глинка также вводит метафору «страны небес луной осребрены», что с одной стороны, создаёт более светлое восприятие концепта ночи, и с другой стороны в большей степени соединяет концепты «ночь» и «луна».

Как уже было сказано, для французской традиции перевода было вполне обычно привносить добавления в текст перевода, Летуэрнер, следуя этим принципам, вводит новый отрывок текста, который отсутствуют в оригинале и который придаёт дальнейшее развитие концепта «луна» в переводе поэмы:

“O lune, notre malheureux globe est encore plus changeant que le tien! Je te vois pâle et triste; serais-tu un témoin sensible des malheurs de l’espèce humaine?”

Во французском переводе у концепта «луна» появляются эпитеты «бледная и грустная» (*pâle et triste*), подобное состояние «луны» переводчик объясняет тем, что она является свидетелем не только несчастий главного героя, как в оригинале, но всей планеты, в описании луны в этом отрывке Летуэрнер дважды использует слова с корнем “*malheur*” (несчастье, бедствие, горе): “*malheurs*” и “*malheureux*” (несчастья и несчастные), усиливая идею о глобальности страданий, которым сопереживает луна.

Глинка вслед за Летуэрнером также вводит эту часть в свой перевод:

Светило ночи! Твой не столь пременен зрак,
Сколь в нашем бедственном жилище все превратно!
Что зрю! бледнеешь ты! Уже ли стало внятно,
Луна! страдание души моей тебе?

В русском переводе концепт «луна» получает новую вербализацию «светило ночи», Глинка несколько меняет свойство луны «бледная», которое ввёл Летуэрнер, выражая это при помощи глагола «бледнеешь ты», таким образом ещё раз подчёркивая, что бледность луны – это реакция её на страдания, свидетелем которых она является, то есть эмпатия, которой луна наделена и в оригинале и во всех переводах, получает здесь новое развитие, то есть ей предписывается роль «взаимодействия между определенными текстовыми и читательскими факторами в эмпатическом (или ином) взаимодействии читателей с персонажами повествования» [13, р. 125].

Стоит отметить также, что Глинка луна сопереживает не страданиям всего мира, а страданиям именно лирического героя, что делает связь между ним и лунной как его «слушательницей» более близкой и личной.

Резюмируя, можно сделать вывод, что Летуэрнер, а вслед за ним и Глинка, используя принципы французской переводческой традиции XVIII века вносит изменения в концепты «луна» и «ночь», усиливая эмоциональные составляющие такие, как мрачность и властность у концепта «ночь», грусть и сопереживание/эмпатию у «луны», а также акцентирует персонификацию обоих концептов. При этом

Глинка также делает некоторые изменения в своём переводе, отступая от французского перевода-посредника, в результате чего концепт «луна» приобретает большую значимость, и отношение к ней героя представлено как более личное.

Концепты «ночь» и «луна» в переводе П. Летурнера и П. С. Политковского.

П. Политковский выбирает для своего поэтического перевода только одну часть поэмы Юнга, IV ночь, которая называется «Нарцисса», в этой части повествуется о смерти дочери героя. Он также использует французский перевод-посредник, выполненный П. Летурнером, и, следуя принципам французской переводческой традиции вносит изменения в свою версию поэмы, в результате чего концепты «ночь» и «луна» получают несколько иную интерпретацию.

В самом начале своего перевода Политковский значительно усиливает концепт «ночь», используя слова «ночь» и «тьма» восемь раз уже на первой странице, вербализирует его в следующих словосочетаниях: «царица мрака – ночь», «я один во тьме ночной», «царица ночи».

Нужно отметить, что концепт «луна» в этой части английской поэмы получает максимальное развитие, что находит отражение в обоих переводах.

She, with the spheres harmonious, nightly leads
The mazy dance, and hears their matchless strain;
A strain for gods, denied to mortal ear.
Transmit it heard, thou silver queen of heaven!

С концептом «луна» связывают такие определения как “harmonious” (гармоничный), “silver queen of heaven” (серебряная королева небес), луна наделяется действиями “leads” (ведёт) и “hears” (слышит). Очевидно, что персонификация этого концепта усиливается, он приобретает новые черты, как и ночь луну называют «королева», в этом отрывке луна уже не только собеседница героя, но полноценная часть ночного пейзажа, оба концепта здесь становятся максимально близки.

Летурнер вносит значительные изменения при переводе этого отрывка: “Devinité des ames sensibles, ô lune, ô toi qui, dans les

heures de silence, règues en paix et seule sur la foule des astres, descends de ton trône d'argent ; quittes les airs, et viens m'inspirer des chantes dignes des cieux ...Daignes, dans un songe favorable, répéter à mon ame leurs célestes accords...Ah! je sens déjà ta mélancolique influence ; elle pénètre mon ame attendrie”. Во французском переводе очевидно усилена часть, представляющая луну как королеву, Летурнер добавляет глагол “règner” (царствовать, править), а также словосочетание “trône d'argent” (трон из серебра). Одновременно с этим переводчик развивает тему взаимосвязи героя и луны, она представлена не только как его слушатель, как указано в оригинале, Летурнер присваивает этому концепту свойство “mélancolique influence” (меланхоличное влияние), а также действие “pénètre mon ame” (проникает в мою душу), таким образом луна становится способной влиять на героя и менять его.

В русском переводе этот отрывок отличается и от оригинала, и от перевода-посредника:

О ты, что между звезд в величии сияешь,
И с кроткой важностью мир спящий обтекаешь,
Царица ночи! – будь моих свидетель слез,
Дай гласу моему гармонию небес и томный!
Пусть песни все мои одни лишь будут стоны!

Важно отметить, что Политковский называет луну «царица ночи», сближая эти два концепта, как и в оригинале, но, в отличие от Юнга она не просто часть ночного хронотопа, а представлена как сила, управляющая ночью. Отношения между героем и луной переводчик также меняет, она не только его слушатель «моих свидетель слез», но и наделяется функцией, которую в классической поэзии как правило исполняют музы: помочь герою в его творчестве «дай гласу моему... пусть песни все мои».

Наряду с добавлением новых характеристик французский переводчик, и вслед за ним и русский, сокращают и меняют характеристики концепта «луна», которые вводит Э. Юнг. Эпитеты “soft, modest, melancholy, female, fair” (мягкая, скромная, меланхоличная, женственная/женская, светлая/справедливая) у Летурнера переданы

как “*beauté modeste et touchante*” (красота скромная и трогательная), то есть он оставляет только одно из определений и добавляет своё “*touchante*”, которое, хоть и связано с понятием «меланхолия», но не равно ему. Политковский отказывается от этих эпитетов и вместо этого использует предложение: «Ты скорбью тронута и жалобой унылой», таким образом он переводит фокус на отношения героя и луны.

Из данного анализа можно заключить, что во французском переводе больший акцент делается не на образном описании концепта «луна» в данной части, а на воздействии луны на героя, концепты «луна» и «ночь» не настолько тесно связаны, как это представлено в оригинале. В русском переводе усиливается концепт «ночи» за счёт повторения самого слова «ночь» и добавления связанных с ним характеристик «тьма», «ночной», «тёмный». В представлении концепта «луна», как и во французском переводе, внимание сфокусировано на отношениях лирического героя и луны, но при этом луна приобретает новую роль музы героя.

Заключение

Концепты «луна» и «ночь» в поэме Э. Юнга тесно взаимосвязаны, для обоих концептов характерны персонификация, они представлены через женский гендер. Концепт «ночь» развивается как ведущая сила поэмы, ей приписываются характеристики королевы, богини, она – главный организующий элемент хронотопа поэмы. Концепт «луна» представлен как собеседница героя, способная ему сопереживать, наделена таким образом эмпатией.

В прозаическом переводе А. М. Кутузова подчеркивается взаимосвязь этих концептов. В поэтическом переводе на французский язык П. Летурнера благодаря использованию принципов вольного перевода усиливается персонификация обоих концептов, отношение героя с концептом «луна», а также связь концепта «луна» с меланхолией и сентиментализмом. В поэтическом переводе С. Глинки на русский язык сохраняются основные изменения в представлении концептов, сделанные П. Летурнером, интенсифицируется эмоциональная составляющая концептов, а также связь героя и концеп-

та «луна». В переводе П. Политковского концепт «ночь» получает расширенную интерпретацию, концепт «луна» переосмыслен как муза лирического героя.

Список литературы

1. Ангелова М.М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. М.: Прометей, 2004. Выпуск 3. С. 3-10.
2. Астранян З.М. Концепт в художественном произведении // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3А. С. 35-42.
3. Балалыкина Э.А., Егоров Д.С. Концепт «Человек» в поэзии И. Бродского // Гуманитарные науки. Т. 149, кн. 2. 2007. С. 228-236.
4. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. [Пер. с англ.] М.: Языки русской культуры, 1999. 293 с.
6. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 115-124.
7. Зиновьева Е.И. Понятие «концепт» в отечественном языкознании: основные подходы и направления исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. № 10. С. 35-37.
8. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.
9. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3-17.
10. Красавский Н.А. Концепт “Zorn” в пословично-поговорочном фонде немецкого языка. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2000. Выпуск 2. С. 78-89.
11. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. 493 с.
12. Canuel M. The Fate of Progress in British Romanticism. Oxford: Oxford University Press, 2022. 238 p. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/727290> (дата обращения: 28.03.2024)

13. Fernandez-Quintanilla C. Textual and reader factors in narrative empathy: An empirical reader response study using focus groups // *Language and Literature: International Journal of Stylistics*. 2020. Vol. 29, Is. 2. P. 124-146. URL:<https://doi.org/10.1177/096394702092> (дата обращения: 28.03.2024)
14. Gunn N. The poetics of attention in Old English verse: A cognitive stylistic approach to the depiction of Grendel in Beowulf // *Language and Literature: International Journal of Stylistics*. 2023. Vol. 32, Is. 3. P. 329-354. URL:<https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/09639470231177583> (дата обращения: 27.03.2024)
15. Keen S. Introduction: Narrative and the Emotions // *Poetics Today*. 2011. Vol. 32, Is. 1. P. 1-53. URL: <https://read.dukeupress.edu/poetics-today/article/32/1/1/21031/Introduction-Narrative-and-the-Emotions> (дата обращения: 27.03.2024)
16. Maat H.P., Sanders T. Subjectivity in causal connectives: An empirical study of language in use // *Cognitive Linguistics*. 2002. Vol. 12, Is. 3. P. 247-273. URL:https://www.researchgate.net/publication/46613766_Subjectivity_in_causal_connectives_An_empirical_study_of_language_in_use (дата обращения: 26.03.2024)

References

1. Angelova M.M. Concept in modern lingua culture. *Current problems of English linguistics and linguodidactics: collection of scientific papers*. Moscow: Prometej Publ., 2004, Is. 3, pp. 3-10.
2. Astranyan Z.M. Concept in the artwork. *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and civilization], 2017, vol. 7, no. 3A, pp. 35-42.
3. Balalykina E.A., Egorov D.S. The concept of «Man» in I. Brodskiy's poetry. *Gumanitarnye nauki* [Humanities], 2007, vol. 149, book 2, pp. 228-236.
4. Valgina N.S. *Theory of the text*. Moscow: Logos Publ., 2003, 173 p.
5. Vezhbickaya A. *Semantic universals and the description of the language*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, 293 p.
6. Vorkachev S.G. Indifference as an ethnosemantic characteristic of personality: experience of co-comparative paremiology. *Voprosy yazykoznaviya* [Topics in the study of language], 1997, no. 4, pp.115-124.

7. Zinov'eva E.I. The notion of "concept" in Russian linguistics: main approaches and directions of research. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University], 2003, no. 10, pp. 35-37.
8. Karasik V.I. *Cultural dominants in language. Language personality: cultural concepts*. Volgograd-Arkhangelsk: Peremena Publ., 1996, pp. 3-16.
9. Karasik V.I. *On the categories of linguoculturology. Linguistic personality: problems of communicative activity*. Volgograd: Peremena Publ., 2001, pp. 3-17.
10. Krasavskii N.A. The concept "Zorn" in the proverbial fund of the German language. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics], 2000, is. 2, pp. 78-89.
11. Krasavskii N.A. *Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures*. Monograph. Volgograd: Peremena Publ., 2001, pp. 40-59.
12. Canuel M. *The Fate of Progress in British Romanticism*. Oxford: Oxford University Press, 2022, 238 p. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/727290> (accessed March 28, 2024)
13. Fernandez-Quintanilla C. Textual and reader factors in narrative empathy: An empirical reader response study using focus groups. *Language and Literature: International Journal of Stylistics*, 2020, vol. 29, no. 2, pp. 124-1467 URL: <https://doi.org/10.1177/096394702092> (accessed March 28, 2024)
14. Gunn N. The poetics of attention in Old English verse: A cognitive stylistic approach to the depiction of Grendel in Beowulf. *Language and Literature: International Journal of Stylistics*, 2023, vol. 32, no. 3, pp. 329-354. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/09639470231177583> (accessed March 27, 2024)
15. Keen S. Introduction: Narrative and the Emotions. *Poetics Today*, 2011, vol. 32, no. 1, pp. 1-53. URL: <https://read.dukeupress.edu/poetics-today/article/32/1/1/21031/Introduction-Narrative-and-the-Emotions> (accessed March 27, 2024)
16. Maat H.P., Sanders T. Subjectivity in causal connectives: An empirical study of language in use. *Cognitive Linguistics*, 2002, vol. 12, is. 3, pp. 247-273. URL: https://www.researchgate.net/publication/46613766_

Subjectivity_in_causal_connectives_An_empirical_study_of_language_in_use (accessed March 26, 2024)

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Строилова Алевтина Георгиевна, кандидат филологических наук,
доцент
*Национальный Исследовательский Ядерный Университет
МИФИ
Каширское ш., 31, г. Москва, 115409, Российская Федерация
310061@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alevtina G. Stroilova, PhD in Philology, Associate Professor
*National Research Nuclear University MEPHI
31, Kashirskoe sh., Moscow, 115409, Russian Federation
310061@mail.ru*

Поступила 02.04.2024
После рецензирования 30.05.2024
Принята 20.06.2024

Received 02.04.2024
Revised 30.05.2024
Accepted 20.06.2024